

УДК 82-3

*Е. П. Карташова**Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***АФОРИСТИКА НОВАТОРСКОЙ ПРОЗЫ В. В. РОЗАНОВА**

В статье рассматривается эволюция формирования одного из главных стилеобразующих факторов новаторской прозы В. В. Розанова – афористичность. В современной отечественной афористике распространено расширительное толкование афоризмов как кратких, глубоких по содержанию и законченных в смысловом отношении суждений, принадлежащих определенному автору и заключенных в образную, легко запоминающуюся форму. Особое внимание уделяется прозе «потока сознания», где на основе приема остранения реализуется розановский афоризм-парадокс, позволяющий эксплицировать сущность авторской интенции, направленной на создание эффекта языковой игры. Основными способами, реализующими эффект языковой игры, являются каламбуры, построенные на переосмыслении значений многозначного слова, омонимов, антонимов в рамках узкого контекста. Проза потока сознания В. В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья», «Последние листья») послужила той отправной точкой в литературе русского модернизма, где впервые были осмыслены и реализованы те стилеобразующие факторы: афористичность, интертекстуальность, прецедентность, эффект языковой игры, – которые на рубеже XX–XXI вв. будут являться основными источниками экспрессии не только художественной прозы постмодернизма, но и таких современных языковых феноменов, как различные жанры интернет-коммуникации.

Ключевые слова: афористика, прием остранения, афоризм-парадокс, поток сознания, новаторская проза В. В. Розанова

Проблемы афористики, определение ее жанровых границ были актуальны на рубеже XIX–XX веков. Этот жанр интеллектуального искусства испытал настоящий расцвет в литературе Серебряного века. Отечественная и европейская афористика несколько неоднозначно трактуют понятие афоризма. Например, в немецкой стилистике к афоризмам традиционно относились новые оригинальные суждения, оказывающие «ошеломляющее» действие в силу своей парадоксальности. Считается, что большое влияние на понимание афоризма как именно парадоксального суждения, противоречащего обыденному сознанию, для которого законы общечеловеческой логики необязательны в силу того, что афоризм глубоко индивидуален и рассчитан на ошеломляющее действие, оказало философское творчество Ф. Ницше. Именно в философской прозе Ф. Ницше сформировался яркий индивидуальный афористический стиль, основанный на таких мировоззренческих принципах, как парадоксальность, иррационализм, отрицающий логику научного познания, что позволило немецким стилистам определить афоризм как авторское изречение, часто вступающее в противоречие с системно-научными и философскими оценками.

В современной отечественной афористике распространено расширительное толкование афоризмов как кратких, глубоких по содержанию и законченных в смысловом отношении суждений, принадлежащих определенному автору и заключенных в образную, легко запоминающуюся форму, причем парадоксальность предлагается рассматривать как стилевой прием и отличать его от парадокса как самостоятельного суждения, хотя подчеркивается, что афоризм должен не доказывать, а поражать блеском изощренной неожиданности формулировки, оригинальностью суждения, уверенностью автора в своей правоте.

В литературе рубежа XIX–XX веков признанным мастером афористичного стиля, создателем новаторской прозы, главным стилеобразующим фактором которой стала богатейшая афористичность, безусловно, является В. В. Розанов.

Афористичность авторского повествования в прозе В. В. Розанова, различной стилевой и жанровой принадлежности, эволюционировала: от весьма протяженных образных словесных формул в философском трактате «О понимании», через метафорически яркие, поэтично-образные афористические выражения в философско-публицистическом творчестве, к лаконичным парадоксальным

авторским афоризмам-суждениям в «Уединенном» и «Опавших листьях», действительно, производящими ошеломляющий экспрессивный эффект на читателя своей неожиданностью, изощренностью, подлинной оригинальностью.

Уже в философском сочинении Розанова «О понимании» можно обнаружить оригинальные мысли, облеченные в не менее оригинальную афористическую форму. Данные афоризмы с точки зрения языкового лаконизма и образности пока еще несколько стилистически тяжеловесны, дидактичны, но надо отдать должное таланту молодого философа, его мощному творческому потенциалу, способному создавать образные формулы, ценные не только с точки зрения глубокого философского смысла, но и с точки зрения запоминающейся выразительной, индивидуально-авторской формы их преподнесения. Творческие способности к созданию афоризмов в трактате «О понимании» позволяют определить специфику мышления Розанова как органический синтез научного, логического способа познания окружающего мира и интуитивно-образного. То есть афоризмы являются как бы звеном, соединяющим науку и искусство слова, художественное творчество. Приведем несколько мыслей философа из сочинения «О понимании», облеченных им в форму авторского афоризма: «Понимать Религию нужно не во внешнем значении, но в глубоком и истинном: когда вся воля, все чувства и все мысли человеческие, даже когда они не имеют предметом религию, бывают проникнуты ею; то есть когда религиозен весь человек и вся жизнь. Только живя в Религии, человек может быть истинно свободен»; «В зодчестве и зодчеством живут народы, в прочих искусствах – человек»; «Нравственность всегда имеет целью добродетель – она наставляет»; «Нравственность имеет своим объектом внутренний мир человека; она ничего не запрещает и ничего не предписывает, уча, убеждает мысль, преобразует чувство, влечет к себе желание»; «Источник права есть присущее человеку чувство справедливости, оно первоначально в человеке»; «Поэт снисходит к жизни, художник поднимается над нею. Первый исходит из субъективного мира в объективный, второй – из объективного мира в субъективный. Первый творит в себе и сотворенное выносит в жизнь; второй берет из жизни и уносит к себе, в себе преобразует и преобразованное возвращает в жизнь».

На фоне структурно усложненного синтаксиса философского трактата «О понимании» наличие афористических выражений в силу их отно-

сительной лаконичности побуждают читателя к собственному размышлению, являются ускорителем восприятия доминирующих идей на основе обобщения актуальных частных явлений во всеобщие. С точки зрения синтаксической структуры пока немногочисленные афоризмы Розанова могут представлять собой как одиночные предложения (чаще это подчинительные конструкции), так и цепь предложений, объединенных общим смыслом и графически не всегда совпадающих с абзацем.

В философском сочинении В. В. Розанова «О понимании» зафиксирован начальный момент складывания афористического стиля, который в последующих произведениях философа будет неуклонно эволюционировать и в конце концов превратится в главный стилиобразующий фактор новаторской прозы мастера.

Философско-публицистическая проза Розанова насыщена афоризмами, создающими стилистический эффект повышенной образности, интеллектуальной и эстетической изощренности, как правило, в основе таких афоризмов лежит образная развернутая метафора: «Бездонности небес никто не исчерпал»; «Золото царства не бывает без позолоты всех вещей»; «Бывает, что пыль земная – священнее звезд. Это пыль усталого человечества»; «Поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога»; «Семья – это малый мир, малое отражение большого мира, и она должна соединять на себе все его лучи».

Новаторская проза потока сознания В. В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья», «Последние листья») эксплицирует оригинальную манеру авторского повествования, базирующуюся на парадоксальности как сущности авторского мировоззрения и как стилистического приема. По Розанову, «истина – в противоречиях, истины нет в тезисах, даже если бы для их составления собрать всех мудрецов». Для того чтобы с достаточной точностью интерпретировать сущность данного стилистического приема, используемого В. В. Розановым, необходимо ввести такую дефиницию, как *афоризм-парадокс*. Использование этого термина поможет эксплицировать сущность авторской интенции, направленной на создание эффекта языковой игры, то есть на создание того самого «ошеломляющего» эффекта не на основе обыденной логики, не на истинности доказательств, а на изощренной неожиданности, оригинальности и остроумии сопоставления слов. Именно в форме афоризма-парадокса обнажается до конца эстетическая структура афоризма (контрастное сочетание

понятий), когда высказывание строится на неожиданном эффектном остранении. В традиции формальной школы данное понятие толковалось как всеобщий и универсальный закон искусства, обнаруживающийся на всех уровнях художественной структуры. «Остранение» (термин, введенный В. Б. Шкловским, именно в таком написании) – это некая аномальность, алогизм, строящийся на сознательном нарушении автором естественных логических связей в пределах языковой или текстовой единицы. Любая «языковая аномальность», являясь эстетически самоценной, разрушает автоматизм, стереотип восприятия и заставляет адресата интеллектуально напрягаться для адекватного постижения замысла автора.

В новаторской прозе В. В. Розанова художественный прием остранения способен эксплицировать различные способы создания эффекта языковой игры, в основе которых лежит алогизм – сознательное нарушение логических связей, разрушающее естественное представление о предмете, смещающее пропорции и выражающее абсурдное восприятие с точки зрения обыденного сознания.

Как показывает анализ текстов Розанова, одним из продуктивных способов создания эффекта языковой игры на основе остранения являются афоризмы-парадоксы. Необходимо отметить, что создание философом афоризмов-парадоксов является одной из главенствующих, конститутивных стиливых черт его прозы потока сознания. В этом проявилось богатство интеллектуальных и эмоциональных потенциалов, оригинальность и блеск творческой одаренности языковой личности В. В. Розанова.

Примеры афоризмов-парадоксов в исследуемой прозе автора многочисленны, приведем наиболее яркие по содержанию и форме, доказывающие «парадоксальность истины» и «истинность парадокса» в мировоззренческом восприятии Розанова: «Мне, собственно, противны те недостатки, которых я не имею. Но мои собственные недостатки, когда я встречаю их в других, несколько не противны»; «Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками, а добродетели с бесцветностью. Вот из этой «закавыки» и вытаскивайся»; «Могила... знаете ли вы, что смысл ее победит целую цивилизацию...»; «Никакой человек не достоин похвалы, всякий человек достоин только жалости»; «Сильная любовь когонибудь одного делает ненужной любовь многих»; «Общество, окружающие убавляют душу, а не прибавляют»; «Любовь есть боль. Кто не болит (о дру-

гом), тот и не любит другого»; «Без телесной приятности нет и духовной дружбы. Тело есть начало духа. Корень духа. А дух есть запах тела»; «То, что есть, мне кажется невероятным, а чего «нет», кажется действительным»; «Человек искренен в пороке и неискренен в добродетели»; «Злодеяния льются как свободная песнь; а добродетельная жизнь тянется как панихида»; «Порок живописен, а добродетель так тускла»; «Искусство истинно даже тогда, когда оно лжет»; «Счастье народов можно решить величественно и низко»; «Мы говорим о мере в поступках ... немного больше скромности – и вышло ханжество; немного больше смелости – и вышло нагло»; «Поразительно, что из слабостей человеческих иногда происходят огромные положительные результаты»; «Лишь творчество самого себя спасает. Творчество великих ценностей может убить»; «Иногда смерть сберегает людей, а не разрушает»; «Для величия неизбежна мука»; «В любви есть закон: острота ее обратно пропорциональна массе. Всех любить = никого не любить»; «Все от скарабея или параллельно ему: «Истина и свет рождаются из навоза»; «Например, человек с тонкими губами, «политическими», – есть человек без Неба в себе, гадкий».

Афористика новаторской прозы В. В. Розанова достаточно ярко представлена и на лексико-семантическом уровне. Основными способами, реализующими эффект языковой игры, являются каламбуры, построенные на переосмыслении значений многозначного слова, омонимов, антонимов в рамках узкого контекста: «Бери звезды у начальства и не трогай небесных»; «Да: может быть, мы всю жизнь живем, чтобы заслужить могилу»; «Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом только о себе»; «Не смиренные смиренны, а те, которые были смиренны»; «Утолщай вчера, чтоб толще было завтра»; «Дурное» вообще сперва убивает, а потом убивается»; «Старость в постепенности своей есть развязывание привязанностей»; «С детьми и горькое – сладко, без детей – счастья не нужно»; «В грусти человек естественный христианин. В счастье человек – естественный язычник»; «Хорошее – и чужого хорошо. Худое – и у своего ребенка худо».

Проза потока сознания В. В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья», «Последние листья») послужила той отправной точкой в литературе русского модернизма, где впервые были осмыслены и реализованы те стилеобразующие факторы: афористичность, интертекстуальность, прецедентность, эффект языковой игры, – которые

на рубеже XX–XXI вв. будут являться основными источниками экспрессии не только художественной прозы постмодернизма, но и таких современных языковых феноменов, как различные жанры интернет-коммуникации.

1. Карташова Е. П. Стилистика прозы В. В. Розанова. М., 2001.
2. Розанов В. В. Собрание сочинений / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1996–2000.
3. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика. М., 1990.
4. Шкловский В. Б. О теории прозы. Л., 1925.

Статья поступила в редакцию 5.06.2016 г.

Для цитирования: Карташова Е. П. Современное состояние и перспективы развития сетевых СМИ Республики Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 85–88.

Об авторе

Карташова Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, elena.karta77@mail.ru

E. P. Kartashova

Mari State University, Yoshkar-Ola

APHORISMS IN INNOVATIVE PROSE BY V. V. ROZANOV

The article describes the evolution of one of the main style forming factors (aphoristic elements) in innovative prose by V. V. Rozanov. In modern Russian aphorism studies there is a common broad interpretation of an aphorism as a semantically complete judgment which is short, deep in content, metaphoric and easy to remember. An aphorism belongs to a certain author. Particular attention is paid to “stream of consciousness” prose, where based on the estrange reception an aphorism paradox by V. V. Rozanov is fulfilled. It allows to explicate essence of the author's intentions aimed at creating the effect of language game. The main ways of implementing the effect of language game are puns built on rethinking of polysemantic words meanings, homonyms, antonyms within a narrow context. “Stream of consciousness” prose by V. V. Rozanov (“Solitary”, “Fallen Leaves”, “Last leaves”) was that one starting point in Russian modernism literature when the following style forming factors were first conceptualized and implemented: aphoristic elements, intertextuality, precedency, the effect of language game. These factors will be the main source of expression of not only postmodernism fiction but also such modern linguistic phenomena as different genres of online communication at the turn of the twentieth century.

Keywords: aphoristic elements, estranging, aphorism paradox, stream of consciousness, innovative prose by V. V. Rozanov

1. Kartashova E. P. Stilistika prozy V. V. Rozanova [Stylistics of prose by V. V. Rozanov]. M., 2001.

2. Rozanov V. V. Sobraenie sochinenii [Collected works]. Pod obshch. red. A. N. Nikolyukina. M., 1996–2000.

3. Fedorenko N. T., Sokol'skaya L. I. Aforistika [Aphorisms]. M., 1990.

4. Shklovskii V. B. O teorii prozy [On prose theory]. L., 1925.

Submitted 5.06.2016.

Citation for an article: Kartashova E. P. Aphorisms in innovative prose by V. V. Rozanov. *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 3 (23), pp. 85–88.

About the autor

Kartashova Elena Pavlovna, Doctor of Philology, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, elena.karta77@mail.ru